

КЛЮЧИ

Рассказ

*Идёт четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в аду, но более херово.*
И. Бродский

Что ж, через неделю, в следующий четверг, отъезд из Петербурга. Все крупные важные дела закончены, остались только мелкие, хотя не менее важные.

Правильно решил по приезде: только не рефлексировать! Стать чурбаном и «дело делать». Решил-то правильно, однако первая неделя... Лучше не вспоминать.

Какие же важные дела я сделал?

Нотариус, по записи за десять дней, три или четыре визита. Опытная Галина Петровна за главным столом, как голова осьминога. А помощницы помоложе, как щупальца, загребают: «Приготовьте 950 рублей за открытие наследственного дела... Приготовьте 18 тысяч – госпошлина... С вас еще 160 рублей за ксерокопирование...»

Подхоронение урны с прахом на кладбище. Тоже три раза наведаться пришлось, всё не так просто. Доказать родство с похороненными в этой могиле. Заказ таблички: «Черный гранит? – два стандартных формата. Вам побольше? Цена зависит от количества знаков на табличке, сейчас подсчитаю... С вас 12 тысяч 231 рубль, из них три тысячи за подхоронение».

Мастер (попросту – могильщик): «Куда подхоранивать – сбоку или в цветник?» («Цветник» – это у них раковина). «Положите руку на урну, скажите слово...» – «Прости, мама!» (Это «прости!» надо было сказать в позапрошлом году в крематории, но там зачем-то развел о трудном жизненном пути. Но, наконец-то, после двухлетней ковидной отсрочки сказал).

Через несколько дней приехал окончательно посмотреть – нет на могиле таблички! Опять пришлось побегать. Хорошо хоть, что уже была изготовлена.

Поэтический вечер. Ну, вечер как вечер, человек сорок пришло. Два часа развлекал публику стихами и прозой, а также старыми байками из писательской жизни (новых у меня нет). Получилось, вроде, неплохо.

Но поздние вечера... Какая-то лимонно-желтая полоса всю ночь висит над горизонтом в черном ноябрьском небе. Квартира, квартира, квартира... Ожидание утра. Пустота.

Эта пустота напомнила мне другую, пятидесятилетней давности, когда в 1970 году демобилизовался. И чтобы спастись от нее, всё лето, чуть ли не ежедневно, стал ездить в гости к Боре Воро-

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина). Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор десяти сборников стихов и трех книг прозы. Публикации в журналах «Звезда», «Урал», «Нева», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Зинзивер», а также в альманахах, антологиях в России и за рубежом. Золотая медаль 2-го Международного конкурса современной литературы «Лучшая книга – 2010» (Берлин, 2011) в номинации «Малая проза». Лауреат премии журналов «Звезда» (2019), «Зинзивер» (2014, 2016), «Урал» (2006). С 2002 года живет в Германии. В «Волге» публиковались стихи и рассказы.

нину, с которым познакомился и сдружился в военном госпитале на Суворовском. С Охты было не близко – он жил в дальнем углу Петроградской стороны, на Пионерской улице. 20-й трамвай тащился чуть ли не час. Но там я обрел новую компанию, которая меня приняла.

Мне они нравились. Целые дни мы проводили на заплыванном пляжике мутного Петровского пруда, что у пивзавода «Красная Бавария». Были там и девочки, но они мне как-то не импонировали. В те годы я был еще слишком разборчив. Впрочем, появилась одна... Я узнал ее адрес, однажды приехал, вошел в парадную на Большом проспекте, поднялся по лестнице с остатками витражей. И оказался перед дверями коммуналки с облупившимися слоями масляной краски, выглядывающими друг из-под друга, – разных цветов, но одинаково мерзких. И с несколькими звонками. Я знал, в какой позвонить, но, простояв полчаса, так и не решился...

Еще у этих ребят везде в районе были «свои люди». И, взяв портвейн с черного хода гастронома, мы усаживались в сквере, куда выходило кухонное окно «Пельменной». И знакомая пельменщица через подоконник выдавала нам пару глубоких тарелок с горой дефицитных пельменей. Разумеется, бесплатно. Впрочем, время от времени она улучала минут десять и присоединялась к нам, чтобы пропустить стаканчик.

Да, еще был там один человек – не скажу, что в ближнем круге, но знакомец. Это был некто очень маленького роста, неопределенного возраста – ему можно было дать и 20, и 50. Жил он со старухой-матерью в подвальном этаже. Вылезая из своей берлоги, он брал в хозмаге 200-граммовый пузырёк политуры и четвертинку формового в булочной (на портвейн, а тем более на водку, денег у него не было, а политура стоила копеек 20-30, хлеб – 4 коп.).

Никого и ничего ему не было нужно. Идя домой, он радостно сигналил нам с другой стороны улицы – мол, всё в порядке, всё взято, и поспешал к себе.

Почему-то в последнее время я часто вспоминаю этого человека, хотя лица его совершенно не помню. Может быть, в свете всего произошедшего в последующие пятьдесят лет, так и надо было?

Но уже в конце августа того же года я поступил лаборантом в техникум, восстановился в институте на вечернем, с сентября начались занятия. Необходимость в Бориной компаньонке отпала, но отношения хоть и вяло, но еще продолжались. А закончились резко.

В то время был я человеком непорочным и верил людям, хотя служба в армии эту веру несколько пошатнула. Я еще не был знаком с уловками алкоголиков, пусть и начинающих. Это теперь я изучил их, а некоторые, к стыду своему, и перенял...

Мы с Борей встретились в конце декабря 1972 года. Поколбасились в районе метро «Петроградская», что-то выпили. Внезапно Борис предложил мне встретить Новый год вместе, у него. Родителей дома не будет. Он пригласит двух девушек...

Предложение было заманчиво, особенно насчет девушек. Своей девушки у меня не было, других вариантов встречи Нового года тоже – кроме как дома с мамой (эх, всё бы сейчас отдал!..)

В тот день я получил стипендию (к этому времени я уже перевелся на дневное отделение). Боря это учел и ненавязчиво предложил: «Давай сейчас на твои купим две бутылки водки на Новый год, я их захвачу домой. Деньги за одну потом отдам. Салаты будут, шампанское куплю». И я наивно согласился...

Он добавил: «30-го уеду на дачу, надо там посмотреть кое-что. Если заночую и вернусь позже, приходи и жди меня. Соседи откроют, а ключ от комнаты будет в ящике кухонного стола под газетой».

Мы купили две зеленых бутылки «Московской» по 3.62 (или тогда она еще 2.87 стоила? – всяко это было значительной частью моей стипендии), и Боря, отягощенный новогодним запасом, отбыл.

31-го декабря я приехал часам к девяти. Открыла соседка, вяло выслушала мои объяснения и ушла к себе. Ключ от комнаты был на месте. Я открыл ее и стал ждать.

Вспоминаю и удивляюсь себе тогдашнему. У меня даже не возникло вопросов, откуда возьмется новогодний стол, шампанское. Откуда возьмутся две девушки? – вот-вот придут, что ли? Нечто бальзаминовское, – мечтания, само всё делается...

Прошел час. Странно я себя чувствовал – сижу один в чужой комнате, в отсутствие хозяев. В коммуналке стоит мертвая тишина, никаких признаков подготовки к наступающему празднику. Даже от мышеобразной соседки, открывшей мне дверь, ни шороха.

За единственным окном в фонарном свете поблескивают трамвайные рельсы. Побродил по комнате. И тут обнаружил торчащие из-под шкафа две пустые бутылки «Московской». Те самые, без сомнения. Они-то меня, наконец, и вразумили.

Транспорт тогда еще ходил регулярно всю новогоднюю ночь. И за полчаса до наступления Нового года, к удивлению мамы, я заявился домой.

С высоты прошедших лет могу оценить как сверхуспешный тогдашний Борин экспромт, направленный на то, чтобы заполучить на текущий вечер две халявные бутылки водки.

Итак, по мелкому, но важному делу поехал в центр вневедомственной охраны. Договор по охранной сигнализации квартиры расторг с ними года два назад, а контрольный комплект ключей остался у них. Надо забрать.

По телефону их сотрудница предпенсионного возраста Жураховская, курировавшая мой участок, ответила:

– Приезжайте, но учтите – вход у нас теперь через КПП на территорию, а не с главного подъезда. Оттуда мне позвонят, и я вас встречу. Паспорт не забудьте.

О, КПП! Как давно не был я на КПП! Впрочем, паспортный контроль в аэропортах напоминает КПП, но не настолько. А тут – деревянная, выкрашенная в светло-зеленый цвет будочка, узкий проход с вертушкой турникета, а главное... За стеклом – милая девушка, пытающаяся быть серьезной. Портили ее только пятнистая защитная форма и серая армейская ушанка. Но что поделаешь – положено по форме.

Жураховская пришла за мной и привела в знакомый мне кабинет, где она сидела еще с двумя сотрудницами. А дальше начались долгие телефонные поиски некоего Тяпкина, без которого выдать комплект ключей оказалось невозможным.

Жураховская звонила в разные подразделения своей конторы по местному телефону, но Тяпкин был неуловим. Везде его видели, везде он «только что вышел»... Вспомнился фильм «Прохин-диада» с Калягиным.

Жураховская, поняв, очевидно, всю бесполезность этих звонков, решила сама отправиться на поиски. А меня попросила подождать на диванчике в коридоре. От нечего делать снова углубился в прошлое.

...Да, больше мы с Борисом никогда не виделись и не созванивались, дружба кончилась. Хотя первое время мне еще хотелось каких-то объяснений. И, возможно, я бы их принял. Но они не последовали. И я с чистой совестью окончательно влился в компанию пьющих студентов институтской группы, костяк которой составляли иногородние – Вова Иванов из Боровичей и Вова Мартынов из Вязьмы Смоленской области. Первый снимал комнату-пенал в доме Раскольников в районе Сенной (в такой же наверняка проживал вечный студент Родион Романович), второй жил в общежитии института. Время от времени ему с малой родины переправляли самогон. Ни до, ни после не пил я подобного зелья. Ощущение было такое, будто ешь землю. Родную, смоленскую. В общем, местá, где можно посидеть и выпить, имелись...

...Между тем появилась Жураховская с толстым grossбухом под мышкой и поманила меня в кабинет.

– Нашли Тяпкина? – спросил я с надеждой. В ее ответе почудилось что-то гоголевское:

– Нет, но журнал его нашла.

Я расписался в линованной конторской книге («журнал Тяпкина!»), получил комплект ключей. Вот они: ригельный, два французских, магнитная блямба от подъезда. Надежные ключи от

жилища, в которое когда-то, в далеком 1967 году, радостно въехали. Своё, отдельное, не коммуналка!..

Жураховская на прощание посмотрела на меня взглядом, в котором прочлось: вот, уходите, а мне тут еще целый год Тяпкина ловить...

На выходе милая охранница вновь дружелюбно посмотрела на меня. Эх, сняла бы ты свою ушанку, распустила б волосы, скинула свои пятнистые доспехи! Устремились бы вместе куда-нибудь вдаль...

Решил прогуляться. Кто-то сказал, что прогулка – лучшее развлечение для бедных. Соглашусь, но добавлю – не только для бедных. Возможность дышать, двигать руками-ногами, смотреть на деревья, на выползень-ручеек, пробивающийся по дну заросшей канавы. Это тебе не в аду.

В аду я несколько раз побывал во сне. Это были не какие-то азиатские пытки и прочие ужасы. Просто лежишь ты в каком-то тесном ящике в позе эмбриона, и ни пошевелиться, ни разогнуться не можешь. Даже в каменном мешке тюремной камеры можно сделать два шага вперед и столько же назад. Даже в гробу можно вытянуться во весь рост. А тут – ящик. И так – вечность. Только усилием воли удавалось проснуться и вырваться...

В народе этот странноватый райончик когда-то назывался «У кинотеатра “Звездочка”», одностажное здание которого давно снесли. Добрёл метров двести до входа в одичавший лесопарк. Когда-то, говорят, здесь были огороды русских корейцев. Трехэтажный дом серого кирпича, нестандартного вида, словно укрепленный бастионами, угрюмо смотрел через грунтовую дорогу на опушку леса. Оттуда, из кустарника, ему подмигивали тусклыми окнами несколько частных домишек, окруженных полуразвалившимися заборами. Судя по этому подмигиванию, они еще были пригодны для жилья.

Внезапно из калитки ближнего домовладения выдвинулись две тёмные фигуры, дошли до дороги и стали приглядываться к человеку, который фотографировал на телефон их родные места, то есть ко мне. «Э, пацан, ты чего нас снимаешь?! – выкрикнул один. – Не надо нас снимать! Не смотри на нас...»

Хриплые голоса. Похоже, примерно мои ровесники. Как Боря Воронин, как оба Владимира – Иванов, уже покойный, и Мартынов... Всем, кто дотянул, уже семьдесят плюс-минус. Кончилось наше веселье. Действительно, «не смотри на нас». Лучше не смотреть...

От греха поспешил к автобусной остановке. Шоссе убегало вдаль меж двух стел тёмно-красного гранита – недавно, видимо, отреставрированных, заплаты были посветлее. С начищенных медальонов желтого металла, укрепленных в верхней части этих столбов, в упор смотрели друг на друга Ленин и Сталин.

Я сел в будке остановки и стал ждать автобус. Ничего, всё еще наладится! Вот и дополнительная связка ключей от дома у меня появилась...